

ПОСТУПЬ КРИЗИСА: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РОССИИ ПОСЛЕ 24 ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА

Серия The Russian Crisis. Paper #3

Илья Матвеев
Февраль 2023

Санкции, «частичная» мобилизация и сама война оказали крайне негативное влияние на уровень жизни и социальную защищенность в России. Хотя экономического коллапса удалось избежать, страна зашла на новый виток кризиса.

В отчёте определены несколько областей, в которых негативный эффект был особенно серьёзным: бедность и уровень жизни, ситуация в промышленных районах, здравоохранение, НКО и демография.

Нынешний кризис оставляет мало возможностей для сокращения бедности и увеличения реальных доходов в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Эмиграция квалифицированных специалистов в области здравоохранения и социальной работы будет остро ощущаться уязвимыми слоями населения.

СОДЕРЖАНИЕ

Поступь кризиса: социальные проблемы в России после 24 февраля 2022 года

Илья Матвеев	3
Введение	3
Бедность и снижение уровня жизни	4
Удар по «Ржавому поясу»	5
Здравоохранение: проблемы с поставками и кадрами.	6
Третий сектор: на грани выживания	7
Демографический спад	7
Выводы.	8
Об авторе.	9

ПОСТУПЬ КРИЗИСА: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РОССИИ ПОСЛЕ 24 ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА

Илья Матвеев

ВВЕДЕНИЕ

Если судить по макроэкономическим показателям, российское вторжение в Украину и последовавшие за ним беспрецедентные санкции нанесли по российской экономике мощный, но не разрушительный удар. В течение года большинство финансовых организаций скорректировали в лучшую сторону свои прогнозы падения российского ВВП. Так, в апреле Всемирный банк прогнозировал, что ВВП России по итогам года снизится на 11,2%; в октябре он выпустил новый отчёт, предсказывающий снижение на 4,5%. Минэкономразвития недавно дало ещё более оптимистичный прогноз: снижение всего на 2,9% в 2022 году. Эти цифры говорят о том, что, несмотря на шквал торговых, финансовых и других ограничений, а также уход из России тысяч иностранных компаний, текущий кризис мягче, чем в 2009 году, когда ВВП сократился на 7,8%. Несмотря на проблемы в отдельных отраслях, негативное влияние на обрабатывающую промышленность, добывающий сектор, строительство и услуги в целом оказалось умеренным, хотя оптовая и розничная торговля пережили резкое падение. Также удалось избежать значительного снижения реальных доходов и всплеска безработицы, по крайней мере, согласно официальной статистике.

Неудивительно, что тон комментариев в СМИ о российской экономике в последние месяцы изменился, и всё чаще появляются заголовки, вроде: «Почему российская экономика продолжает превосходить ожидания?» Факторы экономической устойчивости России привлекли значительное внимание. В последнем отчёте Всемирного банка приводится резюме: «Первоначальный шок был смягчён бюджетными мерами (в сумме 3% ВВП), контролем за движением капитала, ужесточением денежно-кредитной политики, быстрыми действиями по снижению рисков финансового сектора, а также мощным притоком иностранной валюты, который был обусловлен

ростом мировых цен на сырьё»¹. Действительно, российский бизнес проявил умение адаптироваться к ситуации, а некоторые государственные органы, такие как ЦБ РФ, предприняли быстрые и адекватные действия. Кроме того, исследования показывают, что российские компании опасаются полностью внедрять принципы доставки «точно в срок» (just-in-time delivery) и предпочитают иметь значительные запасы на складах². Эта практика предотвратила хаос в цепочке поставок во время COVID-кризиса в 2020 году и предоставила экономике некоторую передышку, что позволило справиться с торговыми ограничениями и сбоями в поставках весной и летом 2022 года.

Тем не менее российскую экономическую стабильность следует рассматривать с учётом четырёх негативных факторов. Во-первых, базовый уровень экономической активности уже был достаточно низким до войны. В 2009-2021 гг. российский ВВП рос в среднем всего на 1,13%, тогда как общемировые темпы роста составили 2,52%. Периоды экономического роста прерывались тяжёлыми кризисами в 2009, 2014-2016 и 2020 гг. В результате экономическая траектория России разошлась не только с крупными развивающимися странами, такими как Китай и Индия, но и с её более успешными постсоветскими соседями, такими как Казахстан. Во-вторых, нынешнее падение ВВП может быть не таким глубоким, как в 2009 году, но шансов выйти на траекторию устойчивого роста ещё меньше, чем до 24 февраля. Санкции, отсутствие сотрудничества с технологически развитыми странами и утечка мозгов не позволят повысить производительность труда, что необходимо для предотвращения долгосрочной стагнации, а негативные демографические тенденции будут тормозить восстановление экономики. В-третьих, имеющаяся на данный момент статистика не учитывает

¹ Europe and Central Asia Economic Update, Fall 2022: Social Protection for Recovery. Washington, DC, 2022. P. 149.

² Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19 на примере шести отраслевых кейсов под ред. Т. Г. Долгопятовой [и др.], Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. С. 420.

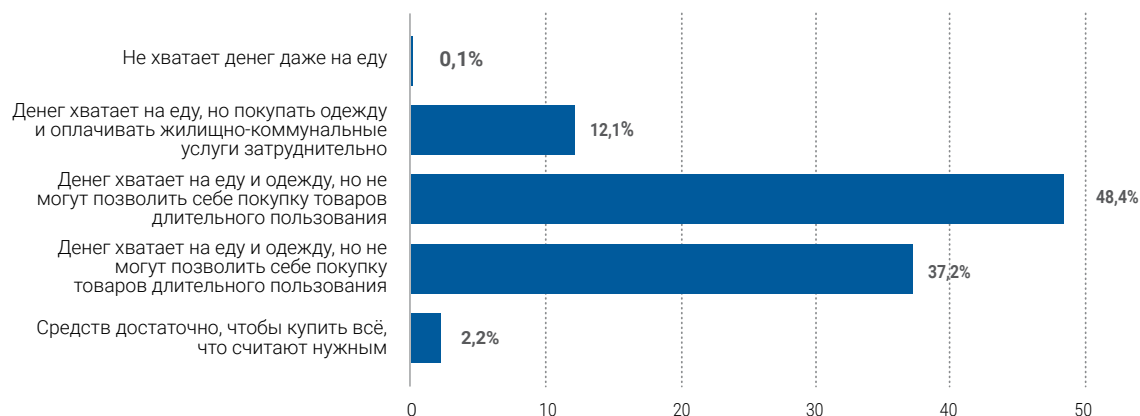
эффект мобилизации, начавшейся в сентябре. С учётом ухудшения потребительских настроений, изъятия из экономического процесса сотен тысяч работников, некоторые из которых критичны для функционирования своих компаний, а также новой волны миграции, как внешней, так и внутренней, мобилизация может привести к экономическому хаосу невиданных ранее масштабов. Наконец, в-четвёртых, макроэкономическая статистика скрывает ситуацию в отдельных регионах и отраслях, а также многочисленные новые трудности, вызванные экономическим кризисом и самой войной. Действительно, несмотря на кажущееся отсутствие катастрофы в экономических показателях, ситуация в России характеризуется возобновлением социального кризиса, который имеет пять измерений: уровень жизни, занятость и зарплаты в промышленности, здравоохранение, некоммерческий сектор и демография. В этом отчёте я проанализирую положение дел в каждой из перечисленных областей и представлю некоторые заключительные замечания.

БЕДНОСТЬ И СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ

Бедность в России – явление массовое и глубоко укоренённое. Согласно официальной статистике, за чертой бедности в 2021 году проживало 11% населения (16,1 млн человек). Однако сама эта черта достаточно произвольно была установ-

лена на уровне 44,2% от медианного дохода. В мире наиболее распространённым показателем является 60% от медианного дохода. Если бы его использовали в России, уровень бедности оказался бы гораздо выше: 24,6% населения, или 36 млн человек, по данным на 2020 год³. Кроме того, любые относительные показатели бедности не полностью отражают существующий в России абсолютный уровень материальной депривации, поскольку медианный доход сам по себе крайне низок: в 2020 году он составлял всего 27 тыс. рублей. В 2021 году 12,1% населения могли позволить себе еду, но испытывали трудности с покупкой одежды и оплатой коммунальных услуг (интересно, что эта цифра, также из данных Росстата, на 1,1 п.п. выше официального уровня бедности). Ещё 48,4% могли позволить себе еду и одежду, но не товары длительного пользования. Лишь 37,2% могли позволить себе и еду, и одежду, и товары длительного пользования (см. рис. 1). Иными словами, более 60% населения испытывают серьёзные материальные лишения. Более того, опросы регулярно показывают, что две трети населения России не имеют сбережений⁴. При относительно низком уровне безработицы (4,8% в 2021 г.) подавляющее большинство живущих за чертой бедности – работающие бедные, многие из которых имеют высшее образование. Бедность особенно распространена в малых городах и сельской местности, что свидетельствует о географической неравномерности развития постсоветского капитализма. За последние 15 лет

Рисунок 1. Оценка домохозяйствами своего финансового положения, 2021

Источник: Росстат (<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271>).

3 Трубникова Е. Четверть россиян столкнулась с риском бедности // Finexpertiza. <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/risk-bednosti/>.

4 См., например, Дергачев В., Старостина Ю. Большинство российских семей оказались вообще без сбережений // РБК. <https://www.rbc.ru/economics/16/05/2019/5cdabe099a79479536f3c523>.

прогресс в сокращении бедности практически отсутствует: по данным Росстата, с 2007 года её уровень снизился всего на 2,3 п.п.

В сентябре Росстат сообщил, что во втором квартале 2022 года реальные доходы населения упали всего на 1,9%, а уровень бедности не только не вырос, но даже сократился на 0,4 п.п. В какой-то степени это можно объяснить массой новых бюджетных мер по противодействию кризису, таких как 10-процентная индексация пенсий неработающим пенсионерам, 10-процентное повышение МРОТ и введение новых детских пособий (а также расширение существующих). И всё же эти цифры вызывают вопросы, учитывая резкий всплеск инфляции весной (17,8% в апреле). Хотя в последующие месяцы инфляция стабилизировалась, данные Росстата с трудом согласуются с таким уровнем экономической нестабильности. Согласно отчёту ЮНИСЕФ, в результате войны в России будет дополнительно насчитываться 8,3 млн бедных, из них 2,8 млн детей⁵. Эта цифра получена путём моделирования взаимосвязи между ростом ВВП и сокращением уровня бедности в 2000–2021 гг., а также использования прогнозов ВВП для определения возможного уровня бедности в 2022 году. Хотя расчёты ЮНИСЕФ основаны на весеннем прогнозе Международного валютного фонда по российскому ВВП, который впоследствии был улучшен, число людей, оказавшихся за чертой бедности в результате войны и кризиса, вероятно, будет исчисляться миллионами. Учитывая, что долгосрочная экономическая стагнация является практически неизбежным следствием разрыва международных связей, уровень бедности вряд ли значительно сократится в ближайшие годы, если не десятилетия. Кроме того, уже в летние месяцы намечался рекордный нефтегазовый дефицит бюджета (т.е. дефицит без учёта доходов от экспорта энергоресурсов). Бюджетная ситуация в России критически зависит от продолжающегося энергетического экспорта по относительно высоким ценам. Снижение экспортных доходов (что на данном этапе практически гарантировано) ограничит способность правительства индексировать пенсии и пособия, что приведёт к дальнейшему снижению реальных доходов населения.

УДАР ПО «РЖАВОМУ ПОЯСУ»

Российский капитализм характеризуется неравномерным географическим развитием, которое переключается с советским наследием индустриализации и урбанизации. Только 31% населения России проживает в агломерациях, насчитывающих более 1 млн человек, тогда как в США этот показатель составляет более 66%⁶. Значительная часть населения России проживает в индустриальных (и часто деиндустриализированных) городах среднего размера с населением от 50 тыс. до 250 тыс. человек, некоторые из них построены вокруг одного предприятия и известны как «моногорода». В то время как промышленный «Ржавый пояс» в целом и моногорода в частности представляют собой извечную проблему постсоветского развития и являются объектом многочисленных правительственных мер, нынешний кризис создаёт новый набор проблем для этих населённых пунктов. В отчёте Центра стратегических разработок (ЦСР) определены четыре риска для моногородов, возникшие после 24 февраля:

- Иностранные компании уходят из России или прекращают свою деятельность.
- Предприятия в моногородах подпадают под общеотраслевые и персональные санкции.
- В рамках контрсанкций правительство РФ вводит собственные экспортные ограничения.
- Санкции в отношении компаний в цепочке поставок приводят к появлению косвенных рисков.⁷

На металлургическую промышленность распространяются секторальные санкции, а на лесную – экспортные ограничения в рамках контрсанкций. Машиностроение и производство грузовых вагонов особенно зависят от импорта комплектующих и оборудования. Кроме того, у предприятий в нескольких моногородах есть иностранные собственники, которые уходят с российского рынка. В целом, согласно отчёту ЦСР, 182 тыс. работников в моногородах находятся в зоне непосредственного риска и ещё 552 тыс. подвергаются вторичным рискам в цепочке поставок. На самом деле общее количество работников, сталкивающихся с потенциальной безработицей и неполной занятостью, намного выше, поскольку в моногородах располагается лишь часть российской промышленности.

⁵ Richardson D., Otchere F., Musatti A. The impact of the war in Ukraine and subsequent economic downturn on child poverty in Eastern Europe and Central Asia. UNICEF, 2022.

⁶ Crowley S. Global cities versus rustbelt realities: The dilemmas of urban development in Russia // Slavic Review. 2020. № 2 (79). С. 365–389.

⁷ Центр стратегических разработок. Риски 2022: градообразующие организации и моногорода. 2022.

Сентябрьские данные свидетельствует об умеренном снижении промышленного производства на 3,1%, однако некоторые отрасли понесли колоссальные потери. К ним относятся прежде всего автомобильная промышленность (-60,2%) и производство бытовой техники (-46,4%) – работу предприятий в этих отраслях нельзя возобновить после ухода иностранных брендов.

При этом спад в промышленности парадоксальным образом не привёл к росту безработицы: напротив, в августе она достигла рекордно низких 3,9%. Однако налицо признаки роста неполной занятости: число работников, отправленных в простой, выросло с 163 тыс. в четвёртом квартале 2021 года до 302 тыс. в первом квартале 2022 года и 345 тыс. во втором квартале 2022 года (во время предыдущего кризиса 2014-2016 гг. это число не превышало 300 тыс. человек). Некоторые, если не большинство, из отправленных в простой работников в итоге будут уволены. В целом вызванный санкциями технологический упадок усилит давление на моногорода, которые на протяжении всего постсоветского периода боролись за сохранение конкурентоспособных производств. В то же время общенациональный уровень безработицы вряд ли резко вырастет в среднесрочной и долгосрочной перспективе из-за демографического давления и замещения утраченных технологий дешёвой рабочей силой, однако реальные доходы сократятся ещё больше, а число работающих бедных продолжит расти.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ С ПОСТАВКАМИ И КАДРАМИ

Как и в других странах, российская система здравоохранения пережила шок во время COVID-кризиса; шок, который имел долгосрочные последствия, такие как профессиональное выгорание врачей и других медицинских работников. Последствия эпидемии COVID усугублялись хроническими проблемами, связанными с недостатком финансирования и забюрократизированностью медицины. Вторжение в Украину и последующие санкции создали ряд новых проблем для российского здравоохранения.

Практически сразу после 24 февраля россияне стали скупать лекарства, поскольку опасались их подорожания (особенно препаратов западного производства), а то и полного исчезновения с

рынка. Через несколько недель эта волна схлынула, так как поставки лекарств продолжились (фарминдустрия была освобождена от санкций), и курс рубля стабилизировался, что предотвратило особенно резкие скачки цен. Тем не менее большинство врачей (72% в марте, 73,9% в июле) по-прежнему сообщали о нехватке препаратов⁸. Хотя санкции не касались здравоохранения непосредственно, сбои в логистике повлияли на импорт медицинских товаров. В октябре 2022 года несколько российских благотворительных организаций, помогающих онкологическим больным, направили властям письмо, в котором обратили их внимание на острую нехватку 26 противораковых препаратов⁹. Кроме того, хотя здравоохранение в целом не попало под санкции, обширная сеть больниц, подчинённых Минобороны, не может проводить закупки в западных странах.

Потенциально ещё более острая проблема касается медицинского персонала. Российская система здравоохранения давно страдает от нехватки кадров, особенно за пределами крупных городов. Чтобы улучшить ситуацию, власти запустили специальную программу «Земский доктор», предоставляющую врачам, готовым переехать в малые города и отдалённые районы, выплату в размере до 2 млн руб. С 24 февраля многие медицинские работники покинули страну, что ещё больше усугубило нехватку кадров. Ситуация особенно обострилась после того, как в сентябре 2021 года была объявлена «частичная» мобилизация, поскольку по закону все медицинские работники в России подлежат призыву на военную службу. Правительство объявило о плане призвать до 3 тыс. медиков. Точное число медицинских работников, покинувших страну после этого, неизвестно, но, судя по отдельным свидетельствам, оно весьма значительно. Отъезд опытных врачей нарушает процесс обучения их более молодых коллег, ослабляя систему здравоохранения в целом.

Ещё одна проблема касается ресурсов в системе здравоохранения. Из-за недостаточного государственного финансирования медицинские учреждения в России оказывают платные услуги, а частная медицина растёт из года в год. Доля личных трат в общих расходах на здравоохранение в России заметно выше, чем в среднем по

⁸ 74% врачей говорят о дефиците препаратов // GxP News. <https://gxpnews.net/2022/07/74-vrachej-govoryat-o-deficite-preparatov/>.

⁹ Мишина В. Где онко, там и рвется // Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/4548863>.

ОЭСР (см. рис. 2). По мере того как всё больше государственных ресурсов в сфере здравоохранения будет направляться на военные нужды и обеспечение долгосрочного ухода за ранеными солдатами, необходимость для домохозяйств самим оплачивать лечение будет расти, в то время как реальные доходы будут сокращаться, создавая дополнительное бремя для населения. В сочетании с кадровым голодом и затруднённым импортом медицинских товаров это приведёт к ухудшению здоровья населения и падению уровня жизни в России.

ТРЕТИЙ СЕКТОР: НА ГРАНИ ВЫЖИВАНИЯ

В то время как интеграция НКО в социальное обеспечение давно является номинальной целью государства, третий сектор в России страдает из-за нехватки ресурсов внутри страны и угрозы преследований, связанной с любым иностранным финансированием (что может привести к статусу «иностранного агента» со всеми вытекающими проблемами). Правозащитные организации, особенно с феминистской и ЛГБТ-повесткой, также сталкиваются с прямым политическим давлением.

Негативное влияние нынешнего кризиса на третий сектор проявляется с разных сторон. Сразу после российского вторжения в Украину пожертвования НКО резко сократились, а количество людей, находящихся в уязвимом положении, наоборот, увеличилось. Опрос 168 НКО, проведённый с 30 марта

по 18 апреля 2022 года, показал, что их возможности по оказанию помощи снижаются, а число нуждающихся увеличивается (см. рис. 3). Иностранные компании, покидающие Россию, сворачивают свои программы равных возможностей (diversity and inclusion). Это создаёт финансовый вакуум для многих НКО и нарушает их работу другими способами: например, организации, содействующие трудоустройству уязвимых групп, больше не могут рассчитывать на партнёрство с иностранными брендами, такими как IKEA. НКО также пострадали от блокировки социальных сетей Instagram и Facebook, которые играют важную роль в поиске жертвователей. Как и здравоохранение, третий сектор теряет квалифицированных специалистов, которые массово эмигрируют, особенно после объявления мобилизации.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СПАД

Демография, вероятно, является областью, в которой события этого года окажут самое сильное влияние в долгосрочной перспективе. Рождаемость снижается уже несколько лет подряд из-за демографического кризиса 1990-х годов – снижение рождаемости в те годы привело к снижению числа рождений в настоящий момент, поскольку сейчас именно поколение 1990-х начинает заводить детей. Эта негативная тенденция сочетается с последствиями войны, мобилизации и экономического кризиса, создавая, по выражению демографа Алек-

Рисунок 2. Личные траты домохозяйств (% от общих расходов на медицину)

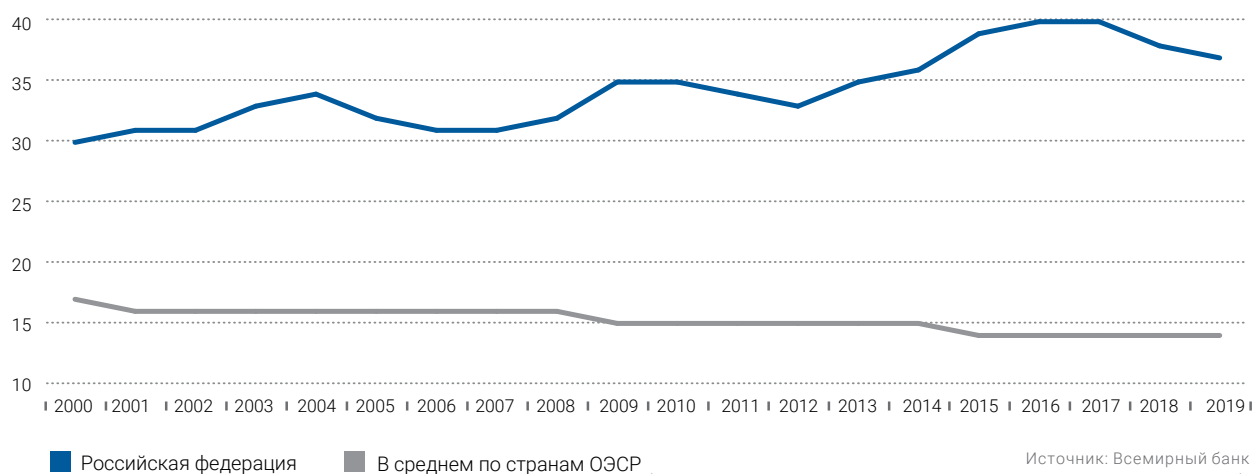
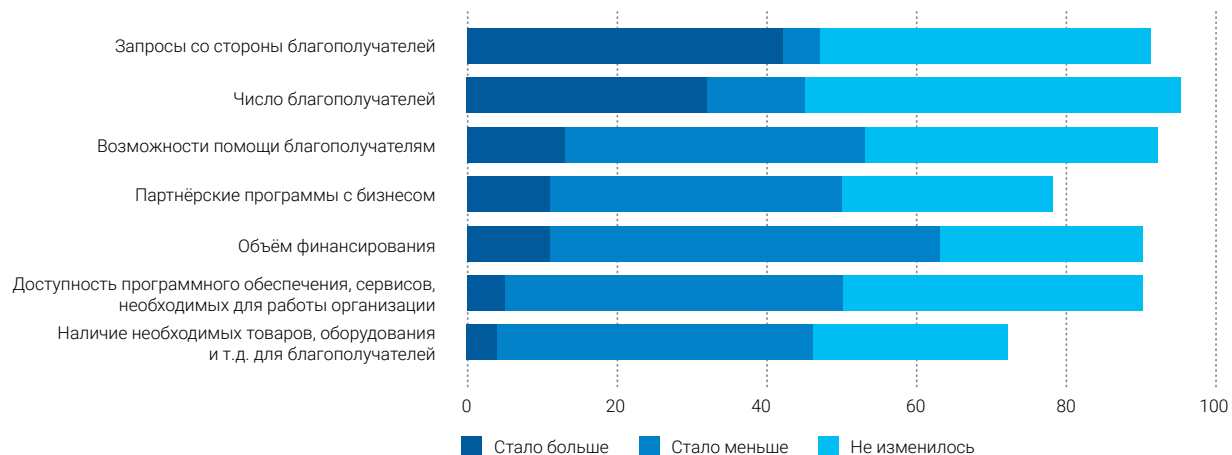

Рисунок 3. Состояние третьего сектора в России (%)

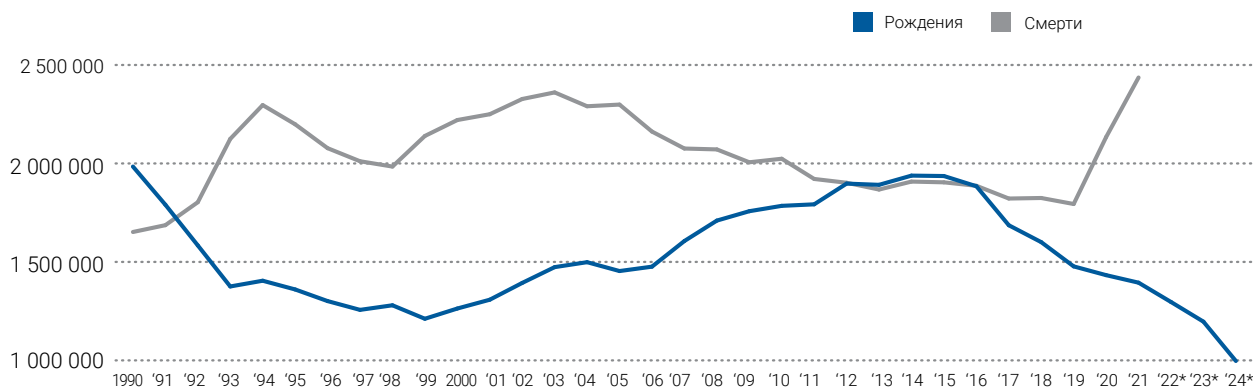
Источник: «Пulsь НКО» (<https://pulsngo.ru/blitz1>).

сея Ракши, «идеальный шторм»¹⁰. Сотни тысяч людей покинули страну, большинство из них в возрасте заведения детей; несколько сотен тысяч человек были призваны в армию; некоторые будут убиты в боевых действиях. Экономический спад, страх и неуверенность в будущем заставят семьи откладывать рождение детей. В результате в 2023 году в России может родиться менее 1,2 млн детей – это самый низкий показатель в современной истории, по данным демографа Игоря Ефремова (см. рис. 4). Демографический спад окажет негативное влияние на экономический рост и благосостояние.

ВЫВОДЫ

«Я думаю, что ничего мы не потеряли и ничего не потеряем [в результате вторжения в Украину]»,

– сказал Владимир Путин в сентябре 2022 года, едва ли кого-то убедив. В результате неспровоцированной российской агрессии в боях погибли и получили ранения десятки тысяч российских солдат. Научный, технологический и интеллектуальный потенциал России скован отсутствием международного сотрудничества. Сотни тысяч квалифицированных специалистов покинули страну. Российское общество потеряло рабочие места и доходы, опытных врачей и социальных работников – жизнь тех, кто болен и уязвим, станет ещё тяжелее. Вторжение в Украину сводит на нет социальные завоевания 22 лет путинизма, какими бы скудными они ни были. Социальный кризис, возникший в результате постсоветской трансформации, так и не был полностью преодолен. Сейчас Россия зашла на новый виток кризиса, которому нет конца.

Рисунок 4. Число рождений и смертей в России по годам

Источник: Bloomberg (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-18/putin-s-war-escalation-is-hastening-demographic-crash-for-russia>).

¹⁰ Putin's War Escalation Is Hastening Demographic Crash for Russia // Bloomberg. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-18/putin-s-war-escalation-is-hastening-demographic-crash-for-russia>.

*

Последняя редакция текста: ноябрь 2022.

О СЕРИИ

Полномасштабное вторжение российских войск на территорию Украины в феврале 2022 года стало новой вехой в истории Европы и мира. Однако затяжная война стала лишь одним из многочисленных последствий, вызванных фундаментальными изменениями в России. **The Russian Crisis** – серия аналитических текстов, посвященных кризисным событиям и процессам в обществе, экономике, а также политике страны. Такие факторы, как глобальная изоляция Москвы, усиление внутренних репрессий, массовая эмиграция россиян, разрыв международных связей, рост дезинформации и бесконечная смена новостной повестки, усложняют наблюдение за происходящим в Российской Федерации. Публикации данного проекта фокусируются на трендах, которым не уделяется должного внимания в текущем общественном дискурсе, но которые являются важными для понимания общей ситуации.

Редактором серии является **Григорий Юдин** – политический теоретик и социолог, сотрудничающий с различными академическими институтами в России и США. Внес свой вклад в теоретизирование российской политики в рамках современных мировых тенденций, проводил полевые исследования в России и за ее пределами, участвовал в методологических дебатах по изучению и прочтению российского общества. Григорий ведет активную научную деятельность, работает над докладами и программными документами под заказ, а также сотрудничает с крупнейшими СМИ в России и за рубежом.

ОБ АВТОРЕ

Илья Матвеев – политолог, специализирующийся на российской политической экономике. До 2022 года работал доцентом и заместителем декана по международному сотрудничеству в кампусе Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) в Санкт-Петербурге. Его статьи опубликованы в таких журналах, как *Europe-Asia Studies*, *East European Politics*, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, *Socialist Register*, *South Atlantic Quarterly*. Матвеев – участник Лаборатории публичной социологии, исследовательского коллектива, изучающего политическую, социальную и экономическую динамику в постсоветских странах. Он также является членом редакционного коллектива «После», нового антивоенного онлайн-СМИ, и соведущим подкаста «Политический дневник».

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

Friedrich-Ebert-Stiftung e.V. (FES)

Годесбергер Але 149

53175 Бонн

Германия

www.russia.fes.de

E-mail: info@fes-russia.org

Ответственный за издание:

Отдел международного сотрудничества,
Российская программа Фонда им. Фридриха
Эберта

Ответственный за содержание и редакцию:
Алексей Юсупов

Мнения, выраженные в данной публикации, могут не совпадать с позицией Фонда им. Фридриха Эберта. Коммерческое использование материалов, опубликованных Фондом, не допускается без его письменного согласия. Публикации FES также не могут быть использованы в целях предвыборных кампаний.

© 2023

АННОТАЦИЯ

Санкции, «частичная» мобилизация и сама война оказали крайне негативное влияние на уровень жизни и социальную защищенность в России. Хотя экономического коллапса удалось избежать, страна зашла на новый виток кризиса. Вторжение в Украину свело на нет социальные достижения 22 лет путинизма, какими бы скромными они ни были. Российская экономика продемонстрировала определённую устойчивость, однако международная изоляция и демографический спад снижают шансы на долгосрочное восстановление.

В отчёте определены пять областей, в которых негативный эффект был особенно серьёзным: бедность и уровень жизни, ситуация в промышленных районах, здравоохранение, третий сектор и демография. Торговая, финансовая и технологическая дезорганизация, вызванная санкциями против России, массовая эмиграция, мобилизация нескольких сотен тысяч мужчин и психологические последствия войны создали новые проблемы в каждой из этих областей.

Нынешний кризис оставляет мало возможностей для сокращения бедности и увеличения реальных доходов в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Эмиграция квалифицированных специалистов в области здравоохранения и социальной работы будет остро ощущаться уязвимыми слоями населения. В сочетании с негативным демографическим трендом, уходящим корнями в кризис 1990-х годов, война, вероятно, приведёт к беспрецедентному сокращению рождаемости в ближайшие годы. Демографический спад ограничит экономический рост на десятилетия вперёд.